

Ф.Г.НИКИТИНА

ИДЕИ ЛАМЕННЕ В РОССИИ

Французских утопических социалистов, которыми увлекались первые социалисты России – петрашевцы, Ф.М.Достоевский, как известно, считал “мечтателями”, уводящими людей от правильного пути в поисках человеческой гармонии, счастья на земле. Исключение он делал только для одного мыслителя – для христианского социалиста Фелисите Робера де Ламенне (1782 – 1854). Именно с ним писатель связывал возможность преобразования религии на Западе и соединения ее “с революционерами и социалистами” (20; 189).

В нашей справочной литературе Ламенне обычно называют одним из родоначальников христианского социализма¹ и даже его “отцом”². Но в историю западного утопического социализма Ламенне почему-то не включают³. Серьезное влияние западного мыслителя на отечественных политических деятелей, философов, писателей до сих пор не исследовано. Настоящая работа – попытка восполнить пробел.

Идеи Ламенне занимают важное место в истории социалистической мысли в России, а отношение к ним Достоевского, в 40-х годах и в период выхода из “Мертвого дома”, – безусловно, оказало влияние на думающую часть отечественного общества, сказалось на мировоззрении многих мыслителей России.

Сочинения Ламенне были запрещены иностранной цензурой в России либо “безусловно”, либо “для публики”⁴. И это понятно. Ведь они несли на себе отпечаток духа революционной Франции. Работы Ламенне, пламенные и страстные, написанные кровью сердца и силою духа, отражали события в стране, пережившей революцию 1879 г., названную Великой.

Но, несмотря ни на какие заслоны, в поисках теории, способной объяснить действительность и найти пути ее изменения, молодые люди России так или иначе обращали внимание именно на Францию, где шли острые политические битвы, рушился трон, формировались демократические течения. Внимание в этих условиях не мог не привлечь Ламенне, сочинениями которого зачитывалась прогрессивная общественность, портреты которого распространялись в Париже.

Известно, что полные энтузиазма работы Ламенне, как смерч, ворвались в публицистику Франции, вызывая восторг одних, ужас и отвращение — других. Свидетель событий 1830 г., участник революции 1848 г., он, как никто другой, ярко отразил всю напряженность политических битв в стране, “нужды и стремления бурного времени”.

Благодаря незаурядному литературно-публицистическому таланту и, что оказалось особенно ценным, умению писать языком, понятным простым людям, скромный и мягкий по натуре католический священник познал и триумфальный успех, и горечь поражения. Он знал и дни шумной популярности, и дни горького одиночества, и тем не менее, в историю Франции Ламенне вошел как великий гуманист, пламенный трибун, автор памфлетов, прежде всего — памфлета “Слова верующего” (1833). О нем беседовали в светских салонах Парижа, спорили в литературных кругах, говорили на уличных митингах.

Примечательно, что сразу же после выхода в свет “Слов верующего” появилось более 350 рецензий!

На протяжении долгой жизни акценты в сочинениях Ламенне менялись, но всегда главным для него оставалась идея освобождения народа, страдающего от власти сильных мира сего. Сочинения Ламенне и по сей день не могут не вызывать уважения своей искренностью, страстностью, убежденностью, горячим желанием прийти на помощь страждущим. И приходится только сожалеть о том, что и в советское время, и теперь труды этого замечательного мыслителя для нашего читателя остаются неизвестны.

Однако специалисты знают, что знаменитый исследователь истории христианства Йозеф Эрнст Ренан считал труды Ламенне “лучшими в XIX столетии”, что его высоко ценил писатель Франсуа Рене де Шатобриан, что своим другом христианского социалиста считал выдающийся борец итальянского народа за независимость Джузеппе Мадзини.

Произведения Ламенне доходили до России, повторяю, с трудом. Особенно ценились русскими читателями не философские сочинения западного мыслителя, а политические памфлеты. Такие, как “Слова верующего” и “К народу”. Обстоятельная работа “Опыт изучения религиозного индифферентизма” (1817 г.) долгое время оставалась для русского читателя неизвестной, хотя на родине автора получила сотни восторженных отзывов.

Одним из первых познакомился с сочинениями Ламенне опальный русский мыслитель П.Я. Чаадаев, за свое увлечение западным мыслителем получивший от друзей прозвище “русский Ламенне”. В 1826 — 1830 гг. Чаадаев путешествовал по Европе. Он познакомился лично с Ламенне и его друзьями в парижском салоне известной русской аристократки С.П. Свечиной. Именно тогда Чаадаев возгорелся идеями католицизма “нового рода”. В знаменитой “Апологии сумасшедшего” Чаадаев называл Ламенне “великим писателем” и не один раз. Очевидно, что встреча в салоне Свечиной произвела на

его неизгладимое впечатление. Еще до выхода в свет памфлета Ламенне “Слова верующего” в письме А.С.Пушкину от 18 сентября 1831 г. Чаадаев выражал надежду, что “новая религия” Ламенне покажет путь человечеству.”⁵

В “Былом и думам” Герцен дал объяснение симпатии русского философа к западному “революционному католицизму”. По мнению Герцена, Чаадаев искал в католицизме Ламенне то, чего так “недоставало в русской жизни, оставленной на себя, угнетенной одной материальной властью и ищущей путь собственным путем”. И далее: “Гордая независимость западной Церкви, ее оконченная ограниченность, ее практические приложения, ее безвозвратная уверенность и мнимое снятие всех противоречий своим высшим единством, своей вечной фатаморганой, своим *Urbi et orbi* ⁶, своим презрением к светской власти <...> должны были легко овладеть умом пылким и начавшим серьезное образование”⁷.

Но памфлет “Слова верующего” Чаадаев, при всех своих симпатиях к автору, воспринял весьма настороженно. И не потому, что сочувствовал монархизму, противником которого был западный мыслитель. Чаадаев одним из первых уловил ошибочность позиции Ламенне в оценке народных масс. Он не разделял безмерную веру Ламенне в силу и разумность революционного народа, который может в ходе социальных битв быстро превратиться в разъяренную, неуправляемую толпу, крушащую все на пути. Чаадаев всерьез опасался, что пламенные призывы “Слов верующего” могут подтолкнуть простой народ на безрассудные действия, на бессмысленные погромы, приведут страну к хаосу, к разрушению великих ценностей, созданных столетиями руками того же народа. Опасаясь темных страстей народа-толпы, он в 1838 г. писал своему другу А.И.Тургеневу, который в Париже внимательно следил за деятельностью социалистов, в том числе и Ламенне: “Где это видано, чтоб толпа была разумна?”. И еще: “Никогда толпа не была менее способна, как в наше время, на то содействие, которое от нее ожидает и требует Ламенне”⁸. Чаадаев был убежден, что толпа — это не более, чем “сброд людей”, а в сброде “нет ни грана христианства”, так как потеряно главное — христианская любовь, здравый смысл, совесть, присутствует лишь жажда мщения и разрушения. Толпа, по его мнению, никак не может положить начало новому справедливому обществу, основанному на христианской морали. Заметим, что обычно в примечаниях к работам Чаадаева не указывается, что письмо к Тургеневу содержит критический разбор именно “Слов верующего”.

Вывод философа однозначен: “Мрачный вопль (Ламенне.— авт.) перепугал всех серьезных христиан, надолго отодвинул наступление окончательных выводов христианства”. Более того, по мнению Чаадаева, Ламенне “сам разрушил то, что некогда сам же создал”⁹ — веру в возможность построения справедливого общества на земле под сенью христианства.

Критические размышления Чаадаева о “Словах верующего” можно рас-

сма­тривать как прозорливое предупреждение тем, кто рассчиты­вал бы­стрым революционным порывом, разрушением создать счастье на земле. Горький исторический опыт нашей родины показывает всю правоту и глубину соображений русского мыслителя.

Итак, Чаадаев пришел к выводу, что “политическое христианство” Ла­менне, основанное на насилии, “должно уступить место высшей идее време­ни”, объединяющей “идеи всех прошедших и будущих времен”. Эту “выс­шую” идею он искал всю свою жизнь.

Взгляды Чаадаева и Ламенне, тем не менее, во многом совпадали. Оба они не принимали традиционного христианства с его догматами первород­ного греха, искупления и воздаяния. Христианство и для того, и для другого – некое духовное начало, объединяющее человечество, делающего его спо­собным к коренным преобразованиям общества, к прогрессивному разви­тию. В “Философических письмах”, к примеру, как и у Ламенне в “Опыте изучения религиозного индифферентизма”, критикуются “лучшие умы че­ловечества” за пристрастие к индивидуальному, за оторванность от родово­го, за неспособность преодолеть единичное, понять общечеловеческие за­дачи. В решении последних, по соображениям Чаадаева, и должна проявиться соборная роль религии, способствующей объединению человеческого рода.

Размышления Чаадаева о сочинении Ламенне в письме к А.И.Тургеневу не случайны. Тургенев вместе с братом Н.И.Тургеневым – декабристом, вид­ным деятелем “Северного общества”, основоположником финансовой на­уки в России, политэмигрантом, заочно приговоренным к вечной каторге, обсуждал идеи французского христианского социализма со своими париж­скими друзьями. Братьев привлекал яркий публицистический талант Ламен­не – “человека убеждений”¹⁰. А.И.Тургенев писал о французском социалисте как об одном из самых красноречивых писателей Франции. Н.И.Тургенев называл литературный талант Ламенне великолепным. Однако это не поме­шало А.И.Тургеневу резко критиковать автора “Слов верующего” за то, что тот, по его словам, “ничего не знает об истинных началах гражданского и общественного порядка”¹¹.

Трудно переоценить влияние Ламенне на современника Чаадаева – мо­лодого русского талантливое ученого В.С.Печерина.

Печерин получил образование в Берлинском университете, куда был от­правлен из Петербурга для совершенствования знаний. За два года пребыва­ния за рубежом он изучил западную философию и общественно-политичес­кую литературу, познакомился с сочинениями Ламенне. Особое впечатле­ние на него произвел только что вышедший в свет памфлет “Слова верую­щего”. Позднее Печерин писал: “Это было просто произведение сумасшед­шего; но для меня она (книжка. – авт.) была откровением нового Евангелия, “Вот, – думал я, – вот она – та новая вера, которой суждено обновить нашу дряхлую Европу!”¹².

“Слова верующего” изменили судьбу молодого ученого. Книга оказалась последней каплей, которая в 1836 г. подтолкнула его, резко отрицательно относившегося к феодально-крепостническому строю России, к решению навсегда покинуть Родину. Позднее Печерин говорил: “Брошюрка Ламенне заставила меня покинуть Россию и броситься в объятия республиканской церкви”¹³.

Последующая жизнь Печерина полна душевных драм и коллизий. Он увлекался теориями многих социалистов, в 1844 г. бывал в салоне Свечиной, ездил слушать проповеди соратников Ламенне, но не примкнул ни к одному из социалистических направлений. Временным оказалось и его увлечение Ламенне.

Присматривался к деятельности Ламенне и литератор-западник, умеренный либерал (близкий к В.Г.Белинскому, А.И.Герцену, А.И.Тургеневу, некоторое время переписывавшийся с К.Марксом) П.В.Анненков. В “Письмах из-за границы”, опубликованных в “Отечественных записках” № 3 за 1842 г., он писал о своем впечатлении от общественной акции в Париже по поводу освобождения Ламенне из-под ареста: “Я видел следующее: 31 декабря выпущен был из темницы Ламенне. Толпа молодежи и учеников собралась перед его окнами и кричала “Vive!”, требовала появления его на балконе”¹⁴.

Анненков не понял позиции поборника социальной справедливости, обрушивавшегося на правительство Луи Филиппа. В 1843 г. он заявил, что Ламенне “потерялся в разрешении общественных и жизненных вопросов”¹⁵. Позднее, напуганный революционными выступлениями 1848 г., деморализованный, порвавший с Герценом, Анненков приписал христианскому социалисту свое собственное состояние растерянности. Он говорил, что “увещевания” Ламенне в Париже оказались “совершенно бесполезными”¹⁶.

Иным было отношение к “отцу христианского социализма” А.И.Герцена. Общеизвестно, что в 1838 – 1839 гг. молодой Герцен отдавал дань христианскому социализму¹⁷. В письме Н.Х.Кетчеру от 22 – 25 февраля 1838 г. из Владимира он настойчиво рекомендовал другу прочесть “Ответ Риму” Ламенне. И восклицал: “Ах, черт его возьми, этого Lamennais, да его хоть сию минуту в Робеспьеры или Сен-Жюсты, – и сколько огня, поэзии, увлеченья”¹⁸.

В 30-е годы идеи Ламенне привлекали и Н.П.Огарева, который называл идею Ламенне об “усовершенствовании рода человечества” “превосходной”¹⁹. Увлечение Ламенне нашло выражение и в письмах Огарева, и в таких его сочинениях, как “Иисус” (1836 г.) и “Христианин” (1838 г.). Известно, что Огарев был крайне расстроен, когда услышал, будто под напором Ватикана Ламенне отказался от реформаторства и возвратился к традиционному католицизму. Но вскоре стало известно, что слух ложен.

Наблюдавший события революции 1848 г. в Париже Герцен не раз с восхищением говорил о мужестве Ламенне, о его верности республиканским идеям. В произведении “С того берега” в разделе “После грозы”, написан-

ной под свежим впечатлением разгрома революции, есть фраза: “Мрачное проклятие старца Ламенне останется на голове бездушных каннибалов, и всего ярче выступит на лбу малодушных, которые, произнеся слово “республика”, испугались смысла его”²⁰. Заметим, что слова “Мрачное проклятие”, использованные Герценом, – это заголовок передовой статьи последнего номера газеты Ламенне “Народ-учредитель”, в которой христианский социалист-республиканец резко осудил жестокую расправу с восставшими.

Несколько позднее Герцен снова с восхищением писал о поведении Ламенне: “Один мужественный плач, одно великое негодование, одно мрачное проклятие и раздалось этим каннибалам из уст Ламенне. – Старика будут судить”. Он повторял слова христианского социалиста: “Им не уйти от проклятия. – Да, не уйти и тем слабым, жалким, которые хотели скорлупу республики без ее зерна, которые осмелились на всех перекрестках солгать страшными словами: “Liberté, Égalité, Fraternité”²¹.

Свидетельствуя о событиях 1848 г. в Париже, в “Былом и думах” Герцен вновь вспоминал о героизме Ламенне: “Вслед за июньскими баррикадами пали и типографские станки. Испуганные публицисты приумолкли. Один старец Ламенне приподнялся мрачной тенью судьбы, проклял герцога Альбу июньских дней – Кавеньяка и его товарищей и мрачно сказал народу: “А ты молчи, ты слишком беден, чтобы иметь право на слово!”²². Герцен имел в виду заявление Ламенне, сделанное 11 июля 1848 г., когда после подавления восстания учредительное собрание приняло закон, удушавший демократическую прессу установлением громадного залога от издателей: “Ныне нужно иметь золото, много золота, чтоб иметь право говорить. Мы же недостаточно богаты. Бедняки должны молчать”.

Именно тогда его газета прекратила существование”²³.

В 1855 г. Герцен вновь вспоминал Ламенне. Он сравнивал обличителя второй империи с библейскими пророками: “Я помню старца Ламенне после июньских дней, проклинавшего в глаза победителей, на которых еще не обсохла кровь. Это был Даниил, Иеремия...”²⁴. Тем не менее, восторженная оценка Ламенне как личности не означала возвращения Герцена к идеям христианского социализма. Иначе было у В.Г.Белинского.

В период увлечения гегелевской философией Белинский не принимал никаких социалистических идей. Поэтому он резко отрицательно отзывался о памфлете Ламенне “Слова верующего” и даже одобрял цензурный запрет на него в России. В письме Д.П.Иванову 7 августа 1837 г. он говорил: “Есть книга, наделавшая в Европе много шума, сочинение аббата La Mennais “Les Paroles d’un Croquant”, в этой книге Христос представлен каким-то политическим заговорщиком, мирообъемлющее Его учение понято в частном и ограниченном смысле политики, все представлено ложно, противоречиво”²⁵. Памфлет не только не понравился, но и вызвал опасение в том, что может подтолкнуть молодежь на необдуманные противоправительственные поступки.

Порвав с гегелевской философией, примирявшей с действительностью, Белинский меняется. У него начинается период “сближения социализма с идеалами первоначального христианства”²⁶. Причем социализм рассматривается Белинским как “религиозное знание и сознательная религия”²⁷. Так, в письме В.П.Боткину от 8 сентября 1841 г. говорится о равенстве в обществе в духе христианского социализма, о времени, когда “не будет богатых, не будет бедных, ни царей, ни подданных, но будут братья, будут люди, и, по глаголу апостола Павла, Христос дает свою власть Отцу, а Отец-Разум снова воцарится, но уже в новом Небе и над новой землей”²⁸.

Долгое время оставалось незамеченным, что даже в знаменитом письме к Гюголю, обычно рассматривавшемся как атеистическое, чувствуется налет христианского социализма, поскольку идет речь о Христе, как о Том, Кто “первый возвестил учение свободы, равенства, братства и мученичеством запечатлел истину Своего учения”²⁹. Более того, на наш взгляд, в письме речь идет и о христианском социалисте Ламенне. Конечно, именно Ламенне имел в виду Белинский, многозначительно замечая: “Когда европейцем, особенно католиком, овладеет религиозный дух, он делается обличителем неправой власти, подобно еврейским пророкам, обличавшим беззакония сильных земли”³⁰.

В 30 – 40-е годы сочинения Ламенне в России доходили даже в провинцию. В 1837 г. за хранение “возмутительного сочинения” Ламенне (по-видимому, памфлета “Слова верующего”) был арестован и находился под следствием в III отделении чиновник Подольской губернии Степулковский³¹.

Подчеркнем: интерес к христианскому социализму до второй половины 40-х годов в России был ограничен довольно узким кругом лиц, знакомых с западной литературой. Имя Ламенне обнаруживается главным образом в дневниках и письмах, то есть в документах сугубо личных, не предназначенных для широкого круга. Положение меняется с появлением первых русских социалистов – петрашевцев. Они первыми не только использовали идеи Ламенне в собственных сочинениях, но и предприняли попытку использовать “Слова верующего” Ламенне для пропаганды социалистических идей.

Сочинения Ламенне были в коллективной библиотеке петрашевцев. Их специально заказывали у книгопродавцев³². Петрашевский дарил произведения христианского социалиста собственной сестре Александре, заботясь об ее образовании. Об этом она вспоминала в своих мемуарах³³.

Петрашевцам – противникам феодально-крепостнической монархии, мечтавшим о коренных социально-политических преобразованиях в стране, об уничтожении крепостного права и самодержавия, были близки идеи Ламенне об уничтожении на земле “царства зла”, установления общества справедливости, о том, что Провозвестником нового общества является Иисус Христос.

Примечательно “Объяснение, что такое социализм” Петрашевского. И

хотя сделано оно во время следствия, мировоззрение Петрашевского выражает весьма адекватно.

По его словам, социализм как учение об обществе и как стремление “приспособить общество к своим (т. е. общества. — авт.) нуждам и потребностям связано с именем Христа, так как именно в Его учении социальные стремления, скрывавшиеся в природе человеческой, получили для себя внешнее “выражение, формулу, лозунг” — “любовь к ближнему” и “прощение обид”. Петрашевский подчеркивал, что “со времени утверждения Христом завета любви идет ряд утопий или теорий социальных, которые представляют идеал надежд и желаний заветных человечества”³⁴.

Фразу из введения к “Словам верующего” использовал на французском языке в качестве эпиграфа к своему стихотворению “Сон” поэт-петрашевец А.В.Плещеев. В переводе эти слова звучат так: “Земля печальна и иссушена; но она снова зазеленеет, дыхание злое не будет вечно проноситься над нею, как палящее дуновение”³⁵.

Известный исследователь русской литературы и истории социализма П.Н.Сакулин писал: “По-видимому, не без влияния Ламенне студент петрашевец Филиппов задумал свое толкование десяти заповедей” — пропагандистскую листовку. По мнению Сакулина, влияние Ламенне просматривается и в лучшем коллективном сочинении петрашевцев — в “Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка”³⁶. И он прав. В ряде статей словаря в духе Ламенне Христос представлен первым социалистом, и никак нельзя думать, будто петрашевцы, как это долгое время считалось, использовали рассуждения о Иисусе Христе и христианстве лишь для того, чтобы обойти цензуру³⁷. Петрашевцы были искренне убеждены, что Иисус Христос как личность и первый социалист существовал. Они хорошо знали книгу теолога Давида Штрауса “Жизнь Иисуса”. При аресте она была обнаружена у Петрашевского, К.И.Тимковского, И.Дурова, сделавшего ее краткий перевод, пока не опубликованный.

Несомненно влияние “Слов верующего” и на петрашевца Д.Д.Ахшарумова. В его записке “Путешествие по Вселенной”, фигурировавшей во время следствия, присутствуют апокалиптические картины в духе Ламенне: страдающий народ и воплощение высшей справедливости — “таинственное лицо все в белом, с сиянием вокруг чела” — Иисус Христос, Залог неизбежного преодоления человечеством страданий и унижений.

Настроения, близкие к Ламенне, испытывал близкий друг Достоевского Валериан Майков, считавший, что общество должно быть преобразовано по законам, провозглашенным Иисусом Христом. В своей знаменитой рецензии на стихотворения Кольцова он писал: “Христос, со стороны Своего человеческого существа, являет собою совершеннейший образец того, что называем мы величием личности: истинное Его учение находится в такой радикальной противоположности с идеями древнего мира... что человечест-

во до сих пор, в преодолении осьмнадцати веков не смогло еще дорасти и до половины той независимости взгляда, без которой невозможно уразумление и осуществление его”³⁸.

Нет никакого сомнения в том, что петрашевцы знали о резко критическом отношении Ламенне к тем социалистам, которые причиной зла считали частную собственность. Не случайно в таких центральных статьях “Карманного словаря”, как “Натуральное состояние” и “Нормальное состояние”, они говорили о необходимости общества, дающего каждому “средства для удовлетворения их нужд пропорционально потребностям”, но никогда — об уничтожении частной собственности. В статье “Об отношении производительности к распределению богатства” петрашевец Валериан Майков замечал, что ни равенство имуществ, ни распределение по способностям к труду сами по себе не могут решить проблему социальной справедливости, уничтожить социальное неравенство. По его мнению, они таят в себе возможность еще больших, чем существующие, бедствий. Очевидно, что таким образом Майков полемизировал с западными коммунистами и социалистами, склонявшимися к уравнительному коммунизму. С ними же полемизировал во Франции и Ламенне. Отголоском этой полемики было появившееся в 1847 г. на страницах “Отечественных записок”, где Майков после Белинского ведал отделом критики, интервью Ламенне по поводу “современных социалистических доктрин”. В нем он предупреждал о возможных страшных последствиях социалистической системы — о возможности узурпации власти в руках ее главарей: “Очевидно, что существование подобной системы привело бы человечество к такому невольничеству, какого оно доселе не испытывало, превратило бы человека в совершенную машину, в орудие, и поставило бы его ниже негра, которым располагает плантатор по его произволу, ниже животного”³⁹.

О том, что петрашевцы хорошо знали сочинения Ламенне, определенно свидетельствуют документы следствия. Имя Ламенне в них упоминается не раз в связи с чтением в кружке С.Ф.Дурова А.П.Милюковым речи под названием “Новое откровение митрополиту Антонию Новгородскому, С.-Петербургскому и проч.”⁴⁰.

О чтении Милюкова, на котором присутствовали многие, во время следствия говорили скупой. Петрашевцы понимали, что речь идет о сочинении, запрещенном цензурой, а это может инкриминироваться как преступление. Так, на вопрос следователя Милюков отвечал в самой общей форме: “Содержание статьи на славянском языке заимствовано было из сочинения Ламенне “Paroles d’un Croquant”. В нем заключалось развитие учения Иисуса Христа о братской любви и о союзе между народами”⁴¹.

Как установлено нами, Милюков читал не что иное, как “Введение” к памфлету, имеющее название “К народу”. Причем в нем были не только призывы к братской любви, но и обличение существующего порядка, призывы

готовиться ко времени, когда угнетатели народа будут наказаны⁴². Наше мнение подтверждается, во-первых, показанием на следствии А.И.Пальма, который назвал перевод Милюкова “Завещанием”⁴³. И не случайно. Ведь во “Введении” Ламенне использовал особый литературный прием, представив собственные идеи в форме обращения умудренного жизненным опытом старца к молодому поколению. Во-вторых, примечательны слова на следствии Дурова: “Содержание этой статьи взято частью из Святого Евангелия, частью из пророчеств; смысл же тот, что слабые угнетаются сильными...”⁴⁴. А это и есть содержание Введения.

С нескрываемым восторгом перевод, сделанный церковно-славянским языком, который чрезвычайно усиливал “суровую библейскую речь оригинала”, слушал Ф.М.Достоевский, о чем Милюков вспоминал позднее⁴⁵. Заметим, что на следствии Достоевский всячески выгораживал друга, помог скрыть характер перевода от царских чиновников⁴⁶.

Долгое время оставалось неизвестным, знали ли петрашевцы памфлет Ламенне целиком или нет. Нам удалось установить, что петрашевцы — поэт А.Н.Плещеев и его юный друг Н.А.Мордвинов, которому он посвятил прелестное стихотворение, начинавшееся словами “Люблю тебя, мой друг, веселый и беспечный...”⁴⁷ — сделали вполне литературный перевод всего памфлета, тщательно отредактировали его⁴⁸.

(Рукопись перевода впервые была обнаружена историком И.Порохом, автором книги “История в человеке” (Н.А.Мордвинов — деятель общественного движения России 40 — 80-х годов XIX в.). Саратов, 1971. Но Порох не атрибутировал рукопись, не установил, чьей рукой она выполнена).

Работа над переводом Плещеева и Мордвинова, без сомнения, относится к зиме-весне 1848 — 1849 гг., когда наиболее радикально настроенные петрашевцы активно готовились к созданию тайной типографии, к подготовке пропагандистской литературы. Именно тогда студент П.Н.Филиппов пишет листовку-обращение к крестьянам, “Десять заповедей”, офицер Н.П.Григорьев готовит обращение к солдатам “Солдатская беседа”, студент А.В.Ханьков создает для студентов рукопись брошюры в духе сочинений Фр.Фейербаха — брата известного философа-материалиста Л.Фейербаха⁴⁹. Предполагалось использовать в пропаганде также работу А.И.Герцена “Москва и Петербург”⁵⁰ и письмо Белинского к Гоголю, которое Ф.М.Достоевский мастерски читал вслух и на собрании у петрашевца И.Ф.Дурова, и на “пятнице” Петрашевского 16 апреля 1849 г.; по донесениям агента III-го отделения Антонелли это чтение “произвело общий восторг”⁵¹. Совершенно очевидно, что молодой писатель разделял не только критику Белинским крепостнических устоев, но и осуждение Православной Церкви, а также признание Иисуса Христа как высшего носителя истины и справедливости. Напомним, что Ф.М.Достоевский был приговорен к расстрелу военно-судной комиссией, а затем по конфирмации отправлен на 4 года на каторгу в Омск, именно

“за участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против Православной Церкви, Верховной власти и за покушение к распространению посредством домашней литографии сочинений против правительства”⁵².

Во время следствия возник вопрос, у кого находится перевод Ламенне, прочитанный Милюковым. Судя по допросным материалам, он побывал в руках А.И.Пальма, П.Филиппова, Н.А.Спешнева⁵³. Но петрашевцы не сказали главного — полный перевод памфлета находился либо у Мордвинова, либо у Дурова. Наше предположение подтверждается воспоминаниями К.Н.Бестужева-Рюмина и Е.М.Феоктистова⁵⁴. И тот, и другой сообщают, что зимою 1848 — 1849 гг. Плещеев, приехав в Москву из Петербурга, быстро сблизился с прогрессивными кругами университетской профессуры и студенчества и пытался привлечь москвичей к распространению запрещенной социалистической литературы. Феоктистов, в частности, вспоминал, как Плещеев призывал студенчество, “для пробуждения сознания в народе” “переводить на русский язык иностранные сочинения, принаравливаясь к простонародному складу речи, и распространять их в рукописях”. Для начала он рекомендовал использовать работу Ламенне “Слова верующего”, намекал, что перевод этого сочинения уже готов в Петербурге. Кроме того, в деле петрашевцев фигурировало письмо Плещеева из Москвы Дурову от 26 марта 1848 г. с просьбою выслать поскорее “то, что он обещал”⁵⁵. Без сомнения, речь в письме идет о полном переводе “Слов верующего” Ламенне.

Сочинение французского христианского социалиста привлекало внимание петрашевцев своим энтузиазмом, верою в счастливое будущее, в торжество справедливости. Даже недостатки сочинения христианского социалиста — абстрактность рассуждений и призывов — казались некоторым посетителям “пятниц” и кружков, к ним примыкавших, более близкими, чем унылые рассуждения Фурье о распisanной по часам жизни в фаланстере.

Отметим еще одно обстоятельство. Петрашевцы, в том числе и Ф.М.Достоевский, который посещал “пятницы” с зимы 1847 г., больше думали о том, как изменить существующее общество, уничтожить феодально-крепостническую монархию, нежели о том, **каким** общество будет после переустройства. Лишь некоторые из них задумывались о политическом устройстве и экономических структурах будущей России. Большинство же довольствовались общими положениями: крепостное право должно быть уничтожено, монархия должна уступить место республике. Ламенне в глазах радикально настроенных петрашевцев казался реалистичным, поскольку служил примером поведения в политической борьбе против сильных мира сего.

Достоевский принял Ламенне как борца против социальной несправедливости, энтузиаста, не сломленного обстоятельствами. Особенно ценным для писателя было отношение Ламенне к Иисусу, его горячее стремление переделать жизнь, опираясь на заветы Христа. Принял во внимание Досто-

евский и критическое отношение мыслителя к социалистам – противникам частной собственности.

Высокоуважительное отношение к Ламенне петрашевцы сохранили долго. Плещеев в 1858 г. по поводу смерти Ламенне написал стихотворение: “Еще один великий голос смолк, правдивый голос обличенья!”⁵⁶. И дело не только в высоком уважении к западному мыслителю. Стремясь создать философию, помогающую лучше понять и изменить действительность, петрашевцы пытались соединить лучшие достижения философской мысли с социалистическими учениями, среди которых не последнее место занимало учение Ламенне. Его именем надо дополнить список имен, особенно ценимых петрашевцами социалистов. Ведь Ламенне среди них обычно не называется⁵⁷.

В 40-е годы XIX в. к Ламенне обращались в России не только петрашевцы. По словам Сакулина, члены Кирилло-Мефодиевского братства – тайного антиправительственного кружка на Украине – “смотрели на жизнь теми же глазами, что их современник, автор “Paroles d’un Croquant”⁵⁸. Осторожно оценивая влияние христианского социалиста на умонастроения членов этого кружка, историк П.А.Зайнчковский считал, что отдельные положения записки “Закон божий” члена этого кружка Белозерского “имеют много общего с концепцией Ламенне, развиваемой в “Словах верующего”⁵⁹.

В духе христианского социализма писал свои листовки, обращенные к простому народу, в 50-е годы, во время Крымской войны, на какое-то время близко сошедшийся на Западе с Герценом один из первых посетителей “пятниц” В.А.Энгельсон. Особенно эти настроения проявились в статье “Философия революции и социализм. Что такое государство?”, опубликованной без подписи в 1-й книге “Полярной звезды”. Главной мыслью статьи было утверждение, что “господствующие сословия” в стране извратили смысл евангельского учения, исказили образ Христа. Подчеркнув, что “утраченный на долгое время” подлинный его смысл найден современными социалистами и причисляя себя к их числу, Энгельсон заявлял: “Мы теперь разрабатываем то самое учение, которое древние начинали усматривать по указанию Христа”.

Петрашевцам не удалось создать типографию, отпечатать пропагандистские произведения, в том числе “Слова верующего” Ламенне. Деятельность их была прервана в самом разгаре. И тем не менее, работы Ламенне ходили по рукам в России и после разгрома кружков петрашевцев.

Вольный перевод XXIV-й главы “Слов верующего” дошел до нас в деле III-го отделения за 1855 г. под названием “О письмах преступного содержания, писанных вольным слушателем Московского Университета неслужащим дворянином Михаилом Эссенем”⁶⁰.

Уроженец Пензы, сын служащего казенной палаты, он окончил Пензенский Дворянский институт, поступил в Казанский университет, а затем пере-

шелся в Московский, где с восторгом слушал лекции Т.Н.Грановского, познакомился с проф. П.Н.Кудрявцевым — другом Белинского. Читал ходившие тайно в университете среди студентов лондонские сочинения Герцена, делал из них выписки. Эссен был поэтом. Зимой 1855 — 1856 гг. он сделал перевод из “Слов верующего” Ламенне под заголовком “Сон”, в котором дана апокалиптическая картина свержения “царей, осмеянных толпой”⁶¹. (Частично это стихотворение было приведено М.Ф.Нечкиной в кн. “История Москвы”, т. III, М., 1954 г., с.781. Но она не разъяснила, что стихотворение представляет собою перевод Ламенне, а просто привела его как яркий образец революционно-демократических устремлений московского студенчества.)

Ламенне был известен революционерам-демократам — Чернышевскому и его единомышленникам.

Н.Г.Чернышевский познакомился с работами Ламенне где-то в 1848 г., когда он — студент Петербургского университета — внимательно следил за событиями в революционной Франции, читал сочинения западных социалистов. В дневнике за 12 октября 1848 г. он говорил о последних: “Меня поразила сила мысли этих господ, и, признаюсь, я решительно их последователь, и мне остается только читать их в подлиннике и только, — я совершенно предан им и уважаю их”⁶². К 30 января он прочитал и дал высокую оценку статье Ламенне “Вопрос труда”⁶³.

Судя по дневниковым записям, умонастроения Чернышевского в 1848 г. были близки христианскому социализму. Он верил “в божественное достоинство Иисуса Христа”, считал, что “понятие христианства должно со временем усовершенствоваться”. В ноябре месяце в семинаре проф. Никитенко Чернышевский познакомился с петрашевцем А.В.Ханыковым — талантливым пропагандистом социалистических идей, любимцем Петрашевского, одним из организаторов коллективной библиотеки. Уже первая встреча с петрашевцами произвела на Чернышевского сильное впечатление. В Ханыкове Чернышевский увидел “дельного человека”, “человека с убеждением и сердцем горячим”⁶⁴. Молодые люди подружились, часто встречались. Именно с ним Чернышевский впервые говорил о возможности революции в России. Именно от Ханыкова из коллективной библиотеки петрашевцев получал он сочинения Фурье, Конта, Гегеля, Л.Фейербаха и Фр.Фейербаха. Чтение западных авторов ускорило формирование мировоззрения Чернышевского, сделало его сторонником материализма и атеизма Фейербаха. Идеи христианского социализма с этого времени были им забыты.

Впоследствии о Ламенне Чернышевский вспомнил лишь однажды, когда в 1861 г. писал отзыв на стихотворения Плещеева. Он решительно критиковал тех, кто не оценил по достоинству “благородство чувств, благородство мысли” слов Ламенне, использованных поэтом в качестве эпиграфа к стихотворению “Сон”.

В 70-х годах к произведениям Ламенне проявляли особый интерес рево-

люционные народники. С.М.Степняк-Кравчинский — член кружка чайковцев — по заданию “литературного комитета” сделал собственный перевод “Слов верующего”, придав ему ярко выраженную революционную направленность. Одним из первых отправившись “в народ”, он использовал литографированный перевод в беседах с простым людом.

Потрепанный экземпляр перевода Степняка сохранился в Музее редких книг Российской государственной библиотеки (бывш. библиотеки им. В.И.Ленина). Проведенное нами сравнение этого перевода с переводом петрашевцев — весьма точного — показывает, что народовольцы в ряде мест сознательно отступали от оригинала, меняли его структуру. Если у Ламенне структура книги была подчинена задаче показать, что счастье народа зависит от его энергии и веры в Бога, то у народника лейтмотивом становится мысль о том, что народное благоденствие — результат неизбежной кровавой борьбы за уничтожение частной собственности. Опускаются целые разделы памфлета, содержащие призывы к молитве, рассуждения о загробном воздаянии, о мистическом спасении силою Божественного Духа. Более того, некоторые фразы у Степняка-Кравчинского звучат как прямой призыв к восстанию. Причем слово “восстание” у народника повторяется неоднократно. У Ламенне же его, конечно, нет⁶⁵.

(Другой экземпляр этого же перевода (неполный) хранился в документах III отделения от 1874 г.⁶⁶)

В 1875 г. Степняк-Кравчинский издал в Женеве еще одну пропагандистскую брошюру “Слово на Великий Пяток преосвященного Тихона Задонского, Епископа Воронежского”, которая, по мнению П.А.Кропоткина, была также написана в духе Ламенне⁶⁷.

Отношение революционных народников к работам Ламенне не было однозначным. П.Л.Лавров, к примеру отрицательно относился к тем, кто так или иначе симпатизировал западному христианскому социалисту, пытался использовать его труды в пропагандистских целях. Талантливый публицист, крупный деятель международного социалистического движения, создал серию статей, в которых доказывал несовместимость христианства и социализма. В статье “Христианский идеал перед судом социализма” он писал: “В самое последнее время некоторые признаки показывают, что это сближение социализма с христианством, сыгравшее не малую роль в тридцатых годах за границу (имеются в виду работы Ламенне и его влияние. — авт.), как будто получает большее значение в глазах некоторых личностей и групп в рядах русского общества”⁶⁸. Лавров был убежден, что время, когда религия несла коллективистские идеалы социализма, с появлением “практического социализма”, то есть марксизма, ушло в прошлое.

Пока революционные народники спорили между собой, как относиться к западному христианскому социализму, великий писатель земли русской Достоевский определил свое к нему отношение окончательно.

Если в период участия в кругу петрашевцев христианский социализм Ламенне привлекал писателя идеею **борьбы** против сильного мира сего, то после каторги, когда мировоззрение его коренным образом изменилось, Достоевский стал склоняться к так называемому “русскому социализму” под знаменем Христа, ратовал за объединение людей Христианской Церковью, опирающейся на высшие общечеловеческие идеалы. При всем своем уважении к Ламенне, он отказывается от его бунтарских идей, как не применимых к России. Он за “великое всеславянское объединение во имя Христовой истины” на пользу, любовь и службу всему человечеству, на защиту всех слабых и угнетенных через самоочищение. Христианский социализм Ламенне для него теперь оказался чисто западным, французским. И тем не менее, он остается социалистом, хотя социализм его принципиально отличается от всех течений западного христианского социализма. Специалисты называют социализм Достоевского одной из разновидностей христианского социализма, возникшей на русской почве, в своеобразнейших условиях капитализирующейся, но все еще патриархальной России”⁶⁹.

И все-таки Ламенне и Достоевского и в это время сближает многое. Оба они считали, что гражданские и нравственные идеалы исходят из религии, что традиционная Церковь нуждается в реформах, наконец, что идеи социализма часто оказываются опасны для человечества, так как, по Достоевскому, заражены “бесовщиной”, у Ламенне — тягой к “невольничеству”.

В 80-х годах в России в период, последовавший после убийства народовольцами царя-освободителя Александра II, несмотря ни на какие репрессии, ширится общественное движение и на его волне вновь появляется интерес интеллигенции к Ламенне. О мыслителе можно узнать из вновь ставшего популярным “Настольного словаря для справок по всем отраслям знаний”, изданного в 1863 и последующие годы в нескольких томах вернувшимся с каторги петрашевцем Ф.Г.Толлем. В нем была статья о Ламенне, в которой говорилось и о “Словах верующего”, как о “замечательном сочинении”, и о неутомимой борьбе французского социалиста “на пользу радикализма”⁷⁰.

В 1890 — 1891 гг. на страницах русских общественно-политических журналов по поводу Ламенне возникла получившая известность дискуссия между бездарным реакционным историком Д.Ф.Щегловым и блестящим русским философом, талантливым публицистом и полемистом, другом Достоевского Вл.Соловьевым.

Противник передовых идей Щеглов в книге “История социальных систем” (СПб., 1889 г.) нападал на Гоголя, Достоевского, Л.Толстого, называл их “развратителями” молодежи. Идеи Ламенне он не понимал. Для него западный христианский социалист всегда действовал в рамках традиционного католицизма, а если и отходил от него, то после наизидания папы Римского к нему возвращался.

Соловьев ответил невежественному историку содержательной рецензией

в журнале “Русское обозрение” (№ 7, 1890 г.). Он решительно встал на сторону великих русских писателей и специально останавливался на характеристике Ламенне. Он показал, что Ламенне – мужественный реформатор католицизма, не подчинившийся воле Ватикана, последовательный защитник народа⁷¹.

Соловьева поддержали многие. Тогда Щеглов разразился громоподобной статьей в журнале “Русский вестник” под названием “Своеобразный журнальный конкурс” (т. XXIV, № 6, 1891 г.). Не имея научных аргументов, Щеглов бросал громкие фразы, обвинял Соловьева “в развращении юношества”⁷².

Философ вынужден был еще раз отвечать статьей “Запоздалая вылазка из одного литературного лагеря”, в которой защитил великих русских писателей, специально говорил о мужестве и бескорыстии Ламенне, о его убежденности и честности⁷³.

Несомненно, что журнальные статьи Соловьева способствовали распространению среди читающей публики представлений о Ламенне как о выдающемся христианском социалисте.

Упоминание о Ламенне имело место в книге известного русского ученого Р.П. Виппера “Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX века”, вышедшей в свет в Петербурге в 1899 г., но только упоминание.

Почти одновременно с работой Виппера во II-й книге II-го тома журнала легальных марксистов “Жизнь” появилась не столько глубокая, сколько живая и эмоциональная статья о Ламенне С. Штейнберга. Она давала привлекательный образ христианского политического деятеля, мыслителя, публициста. Через гегелевские законы диалектики автор – поклонник Гегеля – рассматривал жизнь Ламенне, противоречия, всю жизнь раздиравшие душу священнослужителя, метавшегося между верою, догматичною по своему существу, и диалектикою ума, запрещающего останавливаться на чем-либо окончательно. Называя Ламенне одним из основателей христианского социализма, Штейнберг говорил: “Сочинения его займут выдающееся место в развитии социальных идей”⁷⁴. И он не ошибался.

В 1902 г. в своей знаменитой книге “История политических учений” (т. V) целый раздел отвел Ламенне известный русский ученый-либерал, юрист Б.Н. Чичерин. Весьма подробно и обстоятельно он рассказал о сложном жизненном пути мыслителя, о содержании его основных сочинений. Главную заслугу Ламенне Чичерин видел в стремлении “либерализовать” католицизм, а через него отстаивать свободу народа.

И только в 1904 г. в Москве была издана специальная книга о Ламенне, монография С.А. Котляревского “Ламенне и новейший католицизм”. Она и по сей день остается самым фундаментальным сочинением о французском социалисте. Подробно, с многочисленными цитатами из первоисточников автор представил Ламенне как мыслителя и публициста, поставившего во главу угла интересы простого народа и никогда не изменявшего этому принципу.

Однако к монографии Котляревского накануне первой русской революции обращались немногие. До 1905 г. упоминание о Ламенне в сочинениях русских авторов можно пересчитать по пальцам.

Примечательно, что в 1905 г. к работам французского христианского социалиста стали обращаться представители русского православного духовенства. В статьях и памфлетах Ламенне они искали ответы на злободневные социальные и политические вопросы, пытались найти пути общения с простым народом. Так поступали те священнослужители, которые хотели показать близость христианства и социализма. Другие, напротив, писали о Ламенне как предателе христианского вероучения.

В 1906 г. в популярной серии “Свобода и христианство” вышло несколько брошюр одного из так называемых “свободных христиан” — церковного направления, ставившего задачей реформацию православия — профессора церковного права Петербургской духовной академии архимандрита Михаила (Павла Семенова). Под номером 3 в этой серии шла брошюра “Пророк христианской свободы и свободного христианства (Ламенне и его “Слова верующего)”, выдержавшая несколько изданий.

Красной нитью через брошюру была проведена мысль о плодотворности союза христианства и социализма и в то же время в ней подчеркивалось необходимость для православия освобождения от “рабства государственности”, выдвигалось смелое требование отделения Церкви от государства. Отметим, что распространенное мнение о том, что с требованием отделения Церкви от государства в период революции 1905 г. выступили только большевики во главе с В.И. Лениным, не соответствует действительности. За отделение Церкви от государства ратовали и некоторые, правда немногие, деятели православия.

За пропаганду идеи Ламенне архимандрита Михаила лишили сана и уволили из Духовной академии. Но архимандрит был не одинок. В духе Ламенне публично выступал и известный петербургский оратор и публицист, священник Г.С.Петров, которого Ленин назвал “христианским демократом, весьма популярным демагогом”.

Настоятель церкви при Михайловском артиллерийском училище и преподаватель Петербургской духовной академии, он читал проповеди, затрагивая проблемы науки, искусства, политического положения страны, чем привлекал молодежь, был вхож в аристократические дома.

Петров издал множество брошюрок в духе Ламенне, хотя изредка и критиковал западного мыслителя за, по его мнению, приверженность догматам католицизма.

Петрова обвинили в нарушении канонов православия, отправили в монастырь “на послушание”, запретили выступать. Однако во время выборов во Вторую думу священник Петров был избран туда от партии кадетов.

В годы революции интерес к Ламенне выявился и в среде интеллиген-

ции, сотрудничавшей в различного рода либеральных журналах. В 1905 г. в двух номерах журнала “Мир Божий”, в котором печатались М.Горький, И.В.Вересаев, А.Куприн, В.Ленин, появилась статья Х.Г.Инсарова “Ламенне и его время”⁷⁵. Примечательно, что в статье говорилось не только о жизни и трудах “гениального католического писателя, идола демократической молодежи”, но и о его влиянии на передовых людей России, в том числе — на Чаадаева и петрашевцев.

Появляются статьи о Ламенне и на страницах религиозных журналов. Характерна статья Н.М.Смирнова в “Богословском вестнике”, издаваемом Московской духовной академией в Троице-Сергиевой лавре.

Для Смирнова Ламенне не просто выдающаяся личность, но и основоположник широкого социального движения, имеющего два русла: революционное и реформистское. Причисляя западного социалиста ко второму, он называл его особенности — призыв Церкви к обновлению в духе века, людей — во всеобщей любви “в духе Христа”, исцеляющей все “социальные уродства” общества. Правда, по словам автора, у Ламенне не было четкой программы и все сводилось к проповедничеству, так как “этот мученик католицизма... работал в эпоху, когда еще нельзя было выйти за пределы мечтаний”. Теперь же, по его мнению, все изменилось. Инициативу у религии, которая “хранит в себе могущественные силы к социальному возрождению человечества”, перехватывает, с одной стороны, “буржуазный либерализм”, с другой — “чистый социализм”, — социализм социал-демократов — большевиков. Опасаясь роста влияния последних, поскольку к ним “убегают все лучшие общественные силы, горячие головы, пылкие сердца, свежие таланты рабочего класса, моральные силы интеллигенции”, Смирнов призывал “противодействовать быстрому росту христианского социализма”⁷⁶.

Распространением идеи Ламенне обеспокоился Синод. Были предприняты специальные меры. В 1906 г. в Западную Европу для знакомства с противосоциалистической деятельностью клерикальных организаций был направлен монархист Саблер, занявший вскоре должность обер-прокурора. Но специально предпринятые меры помогли мало, так как идеи Ламенне стал распространять... Л.Н.Толстой — фигура широко известная и авторитетная.

Интерес к Ламенне возник у Л.Толстого где-то в 1880 г., во время оформления его мировоззрения, означавшего разрыв с дворянской средой. Именно тогда у писателя созрел замысел собрать воедино цитаты “из произведений некоторых зарубежных мыслителей, чтобы в виде единого сборника издать их для чтения на каждый день, для каждого честного человека”. В этом сборнике, по мысли Толстого, должен содержаться ответ на вопросы — “что нужно человеку прежде всего, в чем его жизнь, его благо?”⁷⁷

В библиотеке писателя в Ясной Поляне памфлет Ламенне “Слова верующего” на французском языке и “Комментарии к Евангелиям” занимали почетное место. Были в библиотеке и работы о христианском социалисте, в

том числе — книга Жане “Философия Ламенне” (Париж, 1890 г.), II-й том “Истории социальных систем” Щеглова и монография С.Котляревского.

В 1893 г. Толстой получил письмо от племянницы В.В.Стасова В.Д.Комаровой письмо, в котором говорилось об ее увлечении сочинениями Ламенне. К письму был приложен X том парижского издания Ламенне и выписки из XXXV-й главы памфлета “Слова верующего”, пожалуй, одной из наиболее ярких. В ней с жаром говорилось о сопротивлении народов угнетателям, содержался призыв сражаться за справедливость против поработителей — детей сатаны. В конце были слова: “И сатана убежит в свои пещеры...”

Толстой тут же сообщил Комаровой, что “довольно подробно” знает биографию французского мыслителя, читал “Слова верующего” и очень ценит это сочинение⁷⁸.

Приступая в 1903 г. к работе над сборником для чтения, Толстой имел в виду и сочинения Ламенне, считая его одним из “наиболее мудрых” мыслителей Запада, близким себе по духу⁷⁹.

Друг и домашний врач Толстого Д.П.Маковецкий свидетельствовал в воспоминаниях о глубокой симпатии великого писателя к западному христианскому социалисту, рассказывал, как в семье писатель читал вслух его работы, спорил с теми, кто считал слог Ламенне тяжелым и искусственным⁸⁰. Своему зятю Н.Оболенскому Толстой специально поручил написать очерк о французском мыслителе. что тот и сделал. Затем этот очерк писатель дополнил и отредактировал, и таким образом стал его автором. В таком виде очерк о Ламенне и вошел в “Круг чтения”⁸¹.

Когда поклонники Толстого решили организовать кружок для самообразования и обратились к нему за советом, писатель порекомендовал им среди прочих авторов читать и сочинения Ламенне.

Толстого сближало с христианским социалистом стремление “очистить принятые на веру верования”, и на этой основе начать “новую жизнь”. Писателя привлекала смелость француза, претерпевшего ненависть многих во имя любви к Богу и народу. Особенно по душе Толстому был демократизм Ламенне. Писатель одобрял скептическое отношение философа к современным ему социалистам, считал их учения далекими от “духовных идей” (особенно пугал Толстого их атеизм).

Многие мысли Ламенне для Толстого были настолько актуальны, что в “Круге чтения” он повторял их неоднократно. Так, несколько раз в “Круге чтения” приводятся выдержки из “Комментариев к Евангелиям”, разъясняющие “основания нового общества”, построенного “на законах Христа”, почти полностью дан собственный перевод особо любимой писателем XXXIV-й главы из “Слов верующего”⁸².

Симпатии Толстого к Ламенне были известны во Франции. И не случайно в апреле 1909 г. через известного драматурга П.Луазона он получил приглашение из Парижа принять участие в работе международного комитета по

подготовке празднования в честь христианского социалиста, от которого из-за каких-то “формальностей” отказался. Но, как следует из его писем, хотел выразить комитету “глубокое уважение и почитание” Ламенне. Толстой считал, что Ламенне “и по своей жизни, и по своим писаниям далеко не оценен не только европейской, но и французской... публикой”, подчеркивал, что особенно ему ценна у западного социалиста “горячая вера в учение Христа в его истинном значении, переходящая в чувство, которое заражает тех, которые читают его” и которое он лично испытывает⁸³.

В кругу своей семьи Толстой не раз рассказывал о мужестве французского социалиста, о том, как перед смертью тот отказался от причастия, чтобы в последние минуты жизни не видеть представителя Церкви, которая, как он считал, отошла от заповедей Христа. По рассказу Маковецкого, Толстой предупреждал родных, чтобы они перед его собственной кончиной “не поддались в слабости”, не призвали бы к нему священника. Критик официального православия хотел следовать примеру Ламенне и быть последовательным до конца⁸⁴.

Не без влияния Толстого уважительная статья о Ламенне в конце XIX в. появилась в русском энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (СПб., 1896, т. VII, сс. 297 – 299). Известный русский экономист и историк социалистических учений Н.Водовозов (1870 – 1896) называл Ламенне “знаменитым французским писателем”, отличавшимся “свободомыслием в религиозных вопросах”, искавшим причину зла в борьбе между законом единства человечества и индивидуалистическим стремлением каждого, что, по его мнению, недопустимо, ибо “Я” нельзя противопоставлять семье, семью – отечеству, отечество – человечеству, человечество – Богу.

В начале XX в., когда среди интеллигенции России стала распространяться так называемая околочристианская философия, многие приверженцы ее – политологи, философы, экономисты, литераторы и публицисты, объединившиеся вокруг сборника “Вехи”, – выступали с идеями, близкими Ламенне.

Сначала “легальный марксист”, а затем получивший в большевистской литературе название “богостроителя”, высланный позднее из России по указанию Ленина Н.Н.Бердяев много думал об истории христианского социализма. Христианскими социалистами он считал Чаадаева, Печерина, подчеркивал “идиллический” характер их точки зрения. Высоко ценивший Достоевского, Бердяев разделял мнение писателя о том, что “повышенное чувство человечности” первых отечественных социалистов пошло по пути бесовщины, выродилось в свою противоположность. А могло бы пойти по другой дороге. “Христианство, – писал он, – представляется мне соединенным лишь с системой, которую я назвал бы системой персоналистического социализма, соединяющего принцип личности, как верховной ценности, с принципом братской общности людей”⁸⁵. В 1925 г. в работе “Христианство и социализм” Бердяев подчеркивал, что для Достоевского вопрос о социа-

лизме есть прежде всего вопрос о Боге и бессмертии. По словам философа, русский народ с установлением власти большевиков дал опыт социализма как “опыт отрицательной правды” – антигуманности и отсутствия правового государства, исторический опыт Советской России показал миру ущербность идеи социализма, невозможность его соединения с христианством.

По мнению исследователей, в работах С.Н.Булгакова, прошедшего сложный путь эволюции, начиная от “легального марксизма”, кончая объективным идеализмом “с элементами платонизма, кантианства и феноменологии”, имеет место оригинальный “опыт религиозно-социального обоснования христианского социализма”. Булгаков хотел соединить “подлинное христианство” с просвещением, с пониманием и решением исторических задач, полагая, что именно этого “так часто недостает современным церковным деятелям”⁸⁶. Как и Ламенне, Булгаков мечтал о теократическом государстве. В 1917 г. Булгаков в статье “Христианство и социализм” говорил, что “христианский социализм принципиально возможен”, в качестве примера он ссылаясь на Достоевского, считавшего православие “русским социализмом”. Но этот социализм принципиально отличен от марксистского, поскольку марксисты – противники всякой религии.

Специально отметим, что уважительное отношение к Ламенне (если не считать оголтелых черносотенцев, таких, как Востоков) до Октябрьской революции и в первые годы после нее было преобладающим. В таком духе была статья и в энциклопедии Брокгауза и Ефрона (СПб., 1915, II изд., т. 24, с. 5 – 7), и в энциклопедии Граната (М., 1914, т. 26, с. 413 – 415), где автором был В.М.Фриче (1870 – 1929) – искусствовед и социолог, позднее сотрудничавший в Институте красной профессуры и Комакадемии.

В первые годы советской власти были попытки рассматривать Ламенне как предтечу Октябрьской революции. Примечательно название книги проф. В.Н.Сперанского – “Ламенне как политический мыслитель. (Пророк всемирной революции)”. Пытаясь понять популярную тогда среди большевиков идею скорой победы мировой революции, автор усмотрел в христианском социализме предтечу мировых социальных переворотов. Особенно привлекала Сперанского мысль Ламенне о необходимости искоренения в среде угнетенных психологии, “сковывающей их революционный энтузиазм” – бунтарский порыв⁸⁷. Тогда же вышла в свет небольшая, но содержательная книга Н.Анциферова “Ламенне”, в которой французский социалист был поставлен в один ряд с такими философами как Вольтер, Монтескье, Руссо, подчеркивалось серьезное влияние Ламенне на мировоззрение Достоевского и Толстого⁸⁸.

В 30-е годы оценки Ламенне резко меняются. Распространявшийся марксистский материализм, далекий от подлинной науки, агрессивный, не знал тонкостей и оттенков, он умел только “разоблачать” противников. Из России была уже выслана большая группа представителей общественной мыс-

ли, не принявших идеи революции. На страницах многочисленной в то время атеистической литературы началось грубое разоблачение христианского социализма. Так, в книге В.Зальцера “Христианский социализм на Западе” христианский социализм был наравне с социал-реформизмом и фашизмом объявлен “главным идейным врагом пролетарского движения”, а позиция Ламенне названа реакционной, служащей господствующим классам эксплуататоров⁸⁹.

Тот же Зальцер на страницах журнала “Безбожник” в статье “Христианский социализм в первой русской революции” уверял, будто учение Ламенне — “способ идеологического пленения пролетариата”, “удушения” рабочих и крестьян, породивший в России зубатовщину и Гапона⁹⁰.

В 1932 г. на страницах главного идеологического журнала коммунистов “Под знаменем марксизма” появилась статья М.Шейнмана “Социальная демagogия церкви в связи с мировым экономическим кризисом” (№ 9 — 10). Это была по существу официальная оценка христианского социализма Ламенне.

Появление такого рода статей вполне объяснимо. В стране шла массовая коллективизация, а антирелигиозная пропаганда использовалась как своего рода теоретическое обоснование “раскулачивания”. Рушились храмы, громилась церковь, расстреливались священнослужители. В этих условиях научный анализ сложного явления, каким был христианский социализм, имеющий свою историю и специфику, был, конечно, невозможен.

Через журнал “Под знаменем марксизма” команда по “разоблачению христианского социализма” была дана. Сразу же после нее появляются статьи в Большой Советской энциклопедии, не отличающиеся глубиной, но столь характерным большевистским пафосом и ссылками на Ленина, называющие христианский социализм “худшим видом социализма и худшим извращением его: буржуазным реакционным учением”, а Ламенне — монархизмом и реакционером⁹¹.

После смерти Сталина, в период так называемой “оттепели”, появляются попытки объективной оценки идей Ламенне.

Одной из первых книг такого рода была книга В.Д.Тимофеева “Социальные принципы коммунизма и христианства” (М., 1969 г.). И хотя не со всеми утверждениями автора ныне можно соглашаться, нельзя не оценить попытку при оценке христианского социализма, а следовательно и Ламенне, выйти за пределы “Манифеста коммунистической партии” К.Маркса и Ф.Энгельса, в котором христианский социализм однозначно трактовался как “феодалный социализм”, всегда консервативный и реакционный, враждебный интересам масс.

Почти одновременно с книгой Тимофеева появилась и книга проф. М.М.Шейнмана “Христианский социализм” в которой автор пересматривал собственные взгляды на христианский социализм 1932-го года. В специальной главе книги кратко повторялась когда-то сказанное Котляревским о слож-

ных коллизиях жизни западного социалиста, об изменении акцентов в его творчестве, но почти ничего, как и у Тимофеева, не было сказано о влиянии идеи Ламенне на отечественную философскую мысль, на русских общественных деятелей и писателей. И уж, конечно, в ней ничего не было по поводу злобных политических нападок на великого французского гуманиста на страницах советской печати 30-х годов.

Вывод напрашивается сам собою. Правительственные круги и до Октябрьской революции, и после нее считали труды Ламенне опасными для существования своего государства. В этом отношении партийная элита СССР ничем не отличалась от царских властей.

До революции труды Ламенне были известны немногим представителям интеллигенции. Только в 1905 г. был издан незначительным тиражом его памфлет “Современное рабство” (Нижний Новгород), а в 1906 г. — не полностью — “Слова верующего” (Москва).

Ныне положение изменилось мало. Работы Ламенне не издаются, хотя на Западе они переиздавались неоднократно и большим тиражом. Правда, имя Ламенне стало появляться в работах некоторых исследователей истории общественной мысли в России — в книге А.И.Володина “Утопия и история” (М., 1976 г.), в монографии В.А.Малинина “История русского утопического социализма. От зарождения до 60-х годов XIX в.” (М., 1977 г.), в работе П.С.Шкуринова “Позитивизм в России XIX в.” (М., 1980 г.), в книге Б.Ф.Егорова “Петрашевцы” (Л., 1988 г.), в трудах о петрашевцах автора этих строк.

Статьи о Ламенне, конечно, есть во многих современных энциклопедических изданиях, но они, во-первых, не точны. К примеру, ни в одной из них не сказано о русском переводе памфлета “Слова верующего” в 1906 г. Во-вторых, ничего не говорится в них о влиянии идей христианского социалиста на отечественных писателей и общественных деятелей. Наконец, ни в одной из них не сказано о Ламенне как о великом гуманисте, что было особенно ценно для Чаадаева, петрашевцев, Достоевского и Л.Толстого и чему не грех поучиться нашей современной интеллигенции. Идеи Ламенне стоят того, чтобы их помнить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советский энциклопедический словарь, М., 1966, с. 685.

² См.: **А.И.Володин**. Утопия и история. М., 1976, с.155.

³ См.: Утопический социализм, М., 1982. Имя Ламенне в сборнике не упомянуто.

⁴ Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенных иностранною цензурою безусловно и для публики с 1815 по 1855 год включительно с присовокуплением к оному дополнительного списка некоторых книг, о коих прежнее решение было впоследствии времени главным начальством цензуры пересмотрено. СПб., 1855, с.195 — 196.

⁵ **П.Я.Чаадаев**. Статьи и письма, М., 1989, с. 223.

⁶ “Городу (Риму) и миру” — лат.

⁷ **А.И.Герцен**. Собр. соч. в 30-ти томах, т.IX, М., 1956, с. 145.

⁸ **П.Я.Чаадаев**. Статьи и письма, с. 266 — 267.

⁹ Там же, с. 267.

¹⁰ См.: **В.А.Малинин**. История русского утопического социализма, М., 1977, с.48.

¹¹ Цит. по: **О.В.Орлик**. Передовая Россия и революционная Франция, М., 1973, с. 215.

¹² Русское общество 30-х годов XIX в. Мемуары современников, М., 1989, с. 175.

¹³ Там же, с. 216.

¹⁴ **П.В.Анненков**. Парижские письма, М., 1983, с. 52.

¹⁵ Там же, с. 82.

¹⁶ Там же, с. 342.

¹⁷ См.: **В.А.Малинин**. История утопического социализма в России, с. 164 — 167;

А.И.Володин. В поисках революционной теории, М., 1962, с. 17.

¹⁸ **А.И.Герцен**. Собр.соч., т. XXI, М., 1961, с. 297 — 298.

¹⁹ "Литературное наследство". т. 61, М., 1953, с. 706 — 708.

²⁰ **А.И.Герцен**. Собр.соч., т. VI, М., 1955, с. 47.

²¹ Там же, с. 350.

²² Там же, т. X, М., 1956, с. 183.

²³ В подготовительных записях к "Былому и думам" имеется еще одна яркая характеристика поведения Ламенне в событиях 1848 г.: "В июльские дни 1848 г., после первого террора и ошеломленья победителей и побежденных, явился представителем УГРЫЗЕНИЯ СОВЕСТИ угрюмый и худой старик. Мрачными словами заклеил он и проклял людей "порядка", расстреливавших сотнями, не спрося имени, ссылавших тысячами без суда и державших Париж на осадном положении" (**А.И.Герцен**. Собр.соч., т. XI, М., 1957, с. 503).

²⁴ Там же, т. XII, М., 1957, с. 278.

²⁵ **В.Г.Белинский**. Полн.собр.соч., т. XI, М., 1956, с. 150.

²⁶ См.: **А.И.Володин**. Утопия и история, с. 160, 161.

²⁷ **В.Г.Белинский**. Полн.собр.соч., т. XII, М., 1956, с. 114.

²⁸ Там же, с. 71.

²⁹ Там же, т. X, М., 1956, с. 214; См. об этом: **А.И.Володин**. Утопия и история, с. 161, 162.

³⁰ **В.Г.Белинский**. Полн.собр.соч., т. X, с. 215.

³¹ См. **И.А.Федосов**. Революционное движение в России во второй четверти XIX в., М., 1958, с. 132.

³² Дело петрашевцев, М.-Л., т. I, 1977, с. 553, 563.

³³ Петрашевцы. М., 1926, т. I, с. 109.

³⁴ Цит. по: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев, М., 1953, с. 422 — 423.

³⁵ Поэты-петрашевцы, М.-Л., 1966, с. 298.

³⁶ **П.Сакулин**. Русская литература и социализм. М., 1924, с. 319.

³⁷ См.: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев, с. 221.

³⁸ **В.Н.Майков**. Литературная критика, Л., 1905, с. 130-131.

³⁹ Отечественные записки. Разд. VIII. Смесь. Новости западные. СПб., 1847, № 5 (т. 52) с. 106.

⁴⁰ Дело петрашевцев, т. I, с. 425. Митрополит Антоний, глава петербургской Православной Церкви, пользовался особым покровительством императора. Он безоговорочно подчинялся обер-прокурору Синода Протасову, вел пышный образ жизни, любил поездки в высший свет и игру в карты.

⁴¹ ЦГВИА, ф. 801, оп. 1849, ед.хр. 55, ч. 101, л. 10.

⁴² Поскольку Введение никогда не публиковалось на русском языке, даем его перевод "К НАРОДУ. Эта книга написана главным образом для вас, и именно вам я дарю ее. Да ободрит она нас и хоть немного успокоит среди стольких страданий, выпавших на вашу долю и стольких бед, вас безостановочно преследующих, не давая вам немного передохнуть!

Мне хотелось бы, чтобы эта книга была для вас, испытывающих ежедневные тяготы для вашей бедной утомленной души тем, чем бывает для человека, проработавшего все утро под палящими лучами солнца, тень от дерева, хотя бы чахлого, в полдень на краю нивы.

В тяжелые времена вы живете, но времена эти пройдут.

После суровой зимы Провидение вновь посылает более теплые времена года, и маленький птенец и его подруга всегда поют о блаженстве, об изобилии, о мягком теплом гнездышке.

Надейтесь и любите. Надежда все смягчит, любовь все сделает доступным.

Есть люди, которые сейчас тяжело страдают, потому, что сильно вас любили. Я, брат, написал повесть о том, что они сделали для вас, в ущерб себе, и о том, что сделали и

то с ними; и когда злоба истощится, я напечатаю это, и вы прочтете это, и прочтете с горькими слезами. И тогда вы полюбите этих людей, которые так любили вас. А если б я поведал вам об их любви, и об их страданиях теперь, меня бросили бы вместе с ними в темницу.

Я пошел бы туда с большой радостью, если бы ваша нищета могла бы быть этим хоть сколько-нибудь облегчена. Но вы не получите от этого никакого облегчения. Поэтому необходимо ждать и просить Бога, чтобы Он сократил испытания.

Сейчас судят и карают людей, но скоро начнет судить их Он. Счастлив будет тот, кто увидит Его справедливость.

Я уже стар, но послушайте слова старика.

Земля печальна и бесплодна, но она вновь зазеленеет. Не вечно над нею будет витать дыхание зла, точно палящий ветер.

То, что происходит, происходит по воле Провидения, которое хочет, чтобы это свершилось для вашего же блага, чтобы вы научились быть добрыми, справедливыми, когда наступит ваш час. Тогда все те, кто злоупотребляет властью, пройдут перед вами как грязный поток во время бури, и тогда вы поймете, что только добро прочно, и вы побойтесь осквернить воздух, который очищается Воздухом Небесным.

Приготовьте вашу душу для этого времени, оно недалеко, оно приближается.

Распятый за вас Христос обещал освободить вас.

Веруйте же Его обещанию, и чтобы ускорить его исполнение, изменяйте в себе то, что должно быть изменено, творите добро и любите ближнего своего, как Спаситель рода человеческого возлюбил вас **ДО САМОЙ СМЕРТИ СВОЕЙ**". (Перевод С.Курбатовой).

⁴³ Дело петрашевцев, т. 3, М.-Л., 1951, с. 275.

⁴⁴ Там же, с. 202.

⁴⁵ А.П.Миллюков. Литературные встречи и знакомства, СПб., 1590, с. 183.

⁴⁶ См.: Ф.М.Достоевский. Полн.собр.соч., т. 13, Л., 1978, с. 168 — 169.

⁴⁷ См.: Л.С.Пустыльник. Жизнь и творчество А.Н.Плещеева, М., 1978, с. 32.

⁴⁸ См.: Ф.Г.Никитина. Петрашевцы и Ламенне//Достоевский. Материалы и исследования, Л., 1978, вып. 3; ее же подробное сообщение о переводе сделано в: Философские науки, М., 1973, № 6, с. 137 — 142.

⁴⁹ См.: Ф.Г.Никитина. Об одном источнике формирования атеистических воззрений Н.Г.Чернышевского. (К 150-летию со дня рождения). //Вопросы научного атеизма, вып. 24, М., 1979, с. 252 — 263.

⁵⁰ См.: Е.Н.Дрыжакова. Статья Герцена "Москва и Петербург" в кругу петрашевцев//Достоевский. Материалы и исследования", т. 2, Л., 1976.

⁵¹ Дело петрашевцев, т. 3, с. 435.

⁵² Русский инвалид, 22 декабря 1849 г., № 276, с. 1102.

⁵³ Дело петрашевцев, т.3, с. 275; ЦГВИА, оп. 84/98, ф. 801, ч. 101, лл. 20, 21.

⁵⁴ К.Н.Бестужев-Рюмин. Воспоминания, М., 1989, с. 25; Е.М.Феоктистов. За кулисами политики и литературы, Л., 1929, с. 165.

⁵⁵ Дело петрашевцев, т. 3, с. 295.

⁵⁶ См.: Поэты-петрашевцы, с. 381. На наш взгляд, это стихотворение посвящено именно Ламенне, а не Белинскому или Гоголю. Думается, написано оно после отпуска Плещеева, посетившего Петербург в 1858 г., когда он еще находился в ссылке в Оренбургских линейных батальонах. Подтолкнуть поэта к созданию стихотворения могла статья Добролюбова, с которым он в это время познакомился. Статья "По поводу одной очень обыкновенной истории", была опубликована в "Современнике" (№ 12, 1853 г.). В ней упоминались газета Ламенне "Будущее" и его "сердитая книга" — "Слова верующего" (Н.А.Добролюбов. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 3, с. 128).

⁵⁷ См.: Т.И.Усакина. Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века, Саратов, 1965, с. 365.

⁵⁸ П.Сакулин. Русская литература и социализм, ч. I, М., 1924, с. 292.

⁵⁹ Цит. по: Утопический социализм в России, М., 1985, с. 24 — 25.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 109, оп. 31, ед.хр. 215.

⁶¹ "Я видел мстящею рукой

Во мрак повергнутые троны,

Царей, осмеянных толпой

Без скиптра, порфиры и короны.

Я видел в пламени пожара

Тиранов храмы и дворцы.
Полны божественного дара
Гремели вдохновенные жрецы.
Как океан шумя, народы
На казнь гонителей влекли.
Под гимны грозные свободы
Рубили идолов земли.
Полны неистового мщенья
Над прахом царственных теней
Среди пожаров разрушенья
Рушились короны их детей.
И над дымящейся равниной
Гремел божественный закон
Как гром над спящею пучиной
Явился мне, явился сон.”

ЦГАОР, ф. 109, оп. 214, ед.хр. 117, л. 6 об.

⁶² **Н.Г.Чернышевский**. Полн. собр.соч. в 15-ти томах, Т. I, М., 1939, с. 146.

⁶³ Там же, с. 233.

⁶⁴ Там же, с. 182, 183.

⁶⁵ Российская государственная библиотека (бывш. им. В.И.Ленина). Отдел редких книг, НН-126.

⁶⁶ ЦГАОР, ф. 109, оп. 214, ед.хр. 533.

⁶⁷ Литературное наследство, т. 62, М., 1955, с. 262.

⁶⁸ Встань, человек, М., 1986, с. 96.

⁶⁹ **Н.И.Пруцков**. Достоевский и христианский социализм// Достоевский. Материалы и исследования, т. 1, Л., 1974, с. 63.

⁷⁰ Настольный словарь справок по всем отраслям знаний. Энциклопедический лексикон, т. II, СПб., 1805, с. 645.

⁷¹ Русское обозрение, СПб., № 7, 1890, с. 440.

⁷² Русский вестник, СПб., 1891, № 6, с. 127.

⁷³ **В.С.Соловьев**. Соч., т. 2, М., 1989, с. 320.

⁷⁴ Жизнь, СПб., 1899, т. 1, ч. II, с. 48.

⁷⁵ Мир Божий, М., 1905, № 1, с. 70 — 101; № 2, с. 70 — 98.

⁷⁶ Богословский вестник, СПб., т. II, М., 1907, с. 526, 529, 557.

⁷⁷ **Л.Н.Толстой**. Полн. собр. соч., т.30. М., 1934, сс. 82, 97, 304, 310, 311.

⁷⁸ Там же, т. 66, М., 1953, с. 427, 428.

⁷⁹ Там же, т. 36, М., 1936, с. 331.

⁸⁰ **Д.И.Маковецкий**. Толстой в жизни//Юбилейный сборник. Лев Николаевич Толстой, М., 1929, с. 249.

⁸¹ **Л.Н.Толстой**. Полн. собр. соч., т. 42, М., 1957, с. 160 — 165, 644, 645.

⁸² Там же, с. 360 — 361, 397.

⁸³ Там же, т. 79, М., 1955, с. 174.

⁸⁴ **Д.И.Маковецкий**. Яснополянские записки, кн. III, М., 1979, с. 300.

⁸⁵ **Н.А.Бердяев**. Истоки и смысл русского коммунизма, М., 1990, с. 23, 28, 152.

⁸⁶ **В.А.Кувакин**. Религиозная философия в России, М., 1980, с. 81, 223.

⁸⁷ **В.Н.Сперанский**. Ламенне как политический мыслитель. (Пророк всемирной истории), Пг., 1922, с. 103.

⁸⁸ **Н.Анциферов**. Ламенне. Изд. Гржебина. Берлин, Пг., М. 1922.

⁸⁹ **В.Зальцер**. Христианский социализм на Западе, М., 1930, с. 3.

⁹⁰ Безбожник, 1930, № 1, с. 12.

⁹¹ БСЭ, т. 35, М., 1937, с. 702 — 703; т. 60, М., 1934, с. 127 — 128.